

*Kalevalaseuran Vuosikirja*, Helsinki — Porvoo, (1958—1963 гг.)

Калевальское общество Kalevalaseura, основанное в 1919 г. группой выдающихся деятелей финской культуры и науки (художником Галлен-Каллела, лингвистом и этнографом Сэтэля и др.), начало с 1921 г. издавать ежегодник с целью ознакомления общественности страны с последними достижениями финноугроведения. Одной из характерных черт рассматриваемого издания (объем каждого номера которого около 18 печатных листов) является широта его тематики. Страницы ежегодника предоставляются не только фольклористам — исследователям Калевалы, но и лингвистам, музыковедам, художникам, этнографам, если их исследования посвящены финноугорским сюжетам и если в них разрабатываются финноугорские (а не только финские) проблемы. За годы существования сборника (всего вышло 43 книги) в нем опубликован разнообразный материал по фольклору, этнографии и лингвистике венгров, саамов, финнов, эстонцев, карел, финноугорских народов Поволжья и Зауралья. Наряду с научными статьями помещались заметки о деятельности Калевальского общества, его зарубежных связях, бюджете и т. д.

Обширная тематика сборника способствовала в какой-то мере сложению и не менее обширного авторского коллектива. Наряду с финскими учеными в ежегоднике сотрудничают их иностранные коллеги. Тесные связи установились с Венгерской Академией наук. Постоянным корреспондентом ежегодника является П. Аристэ (АН Эстонской ССР). Редакционная коллегия ежегодника внимательно следит за развитием советского финноугроведения и время от времени знакомит своих читателей с его успехами — из материалов последних лет можно назвать, например, статью Е. Ниинивара о новом переводе Калевалы на эстонский язык (№ 40, 1960 г.).

Говоря об издании в целом, следует подчеркнуть, что, несмотря на отмеченную широту тематики, основным для ежегодника является фольклорно-лингвистическое направление. Особое внимание при этом уделяется выявлению взаимовлияний в народном творчестве различных финноугорских народов, отысканию в нем соответствий и параллелей, которые могли бы свидетельствовать в пользу существования общей для этих народов пракультуры. В известной мере этой задаче подчинены и лингвистические статьи. Наряду с ними видное место занимают работы этнографического характера.

Содержание ряда ежегодников Калевальского общества уже рассматривалось на страницах «Советской этнографии»<sup>1</sup> в 1950 г. Тогда автор (В. Я. Евсеев) основное внимание сконцентрировал на вопросах фольклористики, проблем этнографии он коснулся лишь попутно. В настоящем обзоре внимание будет уделено главным образом наиболее значительным этнографическим статьям, помещенным в ежегоднике за последние шесть лет.

Из числа общетеоретических работ большой интерес представляет статья известного финского этнографа К. Вилкуна «Существует ли особая финноугорская этнография» (№ 41, 1961 г.)<sup>2</sup>. В ней автор как бы подводит итоги работы, проделанной исследователями финноугорских народов, и намечает наиболее важные проблемы, которые ждут безотлагательного решения.

Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, К. Вилкуна подчеркивает, что древнее языковое родство предполагает и не менее древнюю культурную общность. Но культурные явления — региональны и редко совпадают с языковыми границами. Первые связаны с ежедневной деятельностью человека, хозяйством, социальными условиями, зависят от окружения и местных условий. Уже только потому, что финноугорские народы живут на такой обширной территории, нельзя говорить об их культурной общности (стр. 47—48). Если таковая и существует, то в наиболее древних, примитивных формах, которые, однако, присущи и другим, не финноугорским народам<sup>3</sup>. К. Вилкуна подразделяет территорию прибалтийско-финских народов на три группы: 1. Финляндия (без Лапландии); население этого района, кроме германского и славянского, испытывало также сильное влияние Скандинавии. 2. Восточная Карелия; в культуре карел и вепсов отчетливо прослеживаются явления русской и старой византийской культуры, точно так же, как в Финляндии и других северных странах, — отдельные черты древней римской культуры. 3. Прибалтика; здесь обнаруживается сильное влияние центрально-европейской культуры (стр. 50—51).

На каждой из указанных территорий, отмечает К. Вилкуна, можно выделить свои культурные подобласти. Такое же положение существует и у других финноугорских народов.

И все же, по мнению автора статьи, существует финноугорская этнография (стр. 51)

<sup>1</sup> См. «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 224—229.

<sup>2</sup> Статья представляет собой публикацию доклада, сделанного автором на Международном финноугорском конгрессе в Будапеште 22 сентября 1960 г.

<sup>3</sup> К. Вилкуна отмечает, что впервые с этим положением в 1930-е годы выступил финский этнограф И. Маннинен. Однако его теория по понятным причинам не была признана в Финляндии. На протяжении 1930—1940-х годов было запрещено пользоваться его основной работой как учебником по этнографии финноугорских народов.

с более чем вековой традицией, созданной учеными Российской Академии наук, венгерскими и финскими исследователями. Финноугорские народы принадлежат к одной языковой семье и их рассматривают как единую группу.

Была бы одержана большая научная победа, пишет К. Вилкуна, если бы ученые Советского Союза, Венгрии и Финляндии одновременно взялись за изучение основных проблем финноугорской этнографии. Ученые Советского Союза могли бы взять на себя исследование культуры небольших «языковых островков» и особенно ближайших соседей финноугорских народов. Только путем широкого сотрудничества ученых можно разрешить такие важные проблемы, как возникновение финноугорских языков и финноугорских народов; этнические процессы, антропологический облик первых финноугорских племен; выяснить, какие из древнейших культур Восточной Европы принадлежали к финноугорским.

Кроме этой работы К. Вилкуна, в последние годы были опубликованы и другие его статьи, раскрывающие на конкретном материале высказанные им ранее основные положения. Особый интерес представляют две его статьи, посвященные вопросам древнего календаря и связанным с ним проблемам.

В первой из них — «Древнейшая история недели» (№ 39, 1959), автор рассматривает историю календаря у народов Северной и Восточной Европы. Отмечая, что до сих пор еще имеет хождение теория, согласно которой семидневная неделя северных и восточноевропейских народов является поздним германским заимствованием (Э. Хеллквист, Ю. Тойвонен), К. Вилкуна противопоставляет свою концепцию, доказывая, что семидневная неделя как система отсчета времени возникла у этих народов задолго до распространения христианства, в период первобытнообщинного строя. Автор привлекает для доказательства своих положений большой лингвистический материал. Он, например, пришел к выводу, что распространенное в прибалтийско-финских языках название дня недели «воскресенье» (в финском — *ruhäpäivä*, эстонском — *rühapäev*, вепском — *ruhäpäiv*, карельском — *ruhäpäivu*, саамском — *passpeiv*, что аналогично английскому — *holuday*, немецкому — *heiliger Tag*, венгерскому — *ünnpér* и т. д.) не связано с христианской религией. Исследование автором лингвистического материала тех финноугорских народов, которые в наименьшей степени были подвержены воздействию христианства (например, хантов), показало, что слово *ruhä* первоначально означало день, с которым связаны всевозможные ограничения и табу (точно так же, как в древнерусском языке «воскресенье» первоначально называлось «неделя»). В равной степени и первоначальное значение слова «суббота» (финское — *lauantai*, эстонское — *laupäev*, саамское — *lävvärdä*, древнорвежское — *laugardagr* и т. д.) связано с запрещением мытья, стирки, бани. В марийском языке сохранилось аналогичное название дня накануне поминовения усопших, в который были запрещены все действия, так или иначе связанные с водой.

На основании всего этого К. Вилкуна приходит к выводу, что в древнейшем календаре все дни подразделялись на две основные группы: «опасные», связанные с определенными ограничениями, и «свободные», в которые поступки и деятельность человека не регламентировались (стр. 261).

Календарь древнейших северных и восточноевропейских народов, отмечает К. Вилкуна, был календарем лунным. Об этом свидетельствуют как лингвистический материал, так и памятники материальной культуры, в частности хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР недельные календари, имевшие распространение еще в прошлом веке среди финноугорских и других народов на всей территории от Урала до Охотского моря (стр. 267—270). В этой связи К. Вилкуна привлекает внимание читателя к найденному археологами в Костромской области в 1830-х годах изображению человека с семью рожками на голове и четырьмя на плечах (датируется 1500 годом до н. э.) (стр. 282). В отличие от ряда зарубежных ученых, видевших в находке свидетельство прямого проникновения инородных культур в Восточную Европу (А. Таллгрэн, например, считал, что это изображение азиатского божества солнца, К. Таллквист — шумерского бога луны Сима), К. Вилкуна, ссылаясь на аналогичные находки и их описания советскими исследователями Д. К. Зелениным и С. В. Ивановым, утверждает, что «костромской идол» является не чем иным, как антропоморфическим 28-дневным лунным календарем проживавших в этой местности племен. В итоге К. Вилкуна делает вывод о том, что первоначально лунный календарь имел единственную цель — определение дней, отмеченных табу. Это объясняет и тот факт, что седьмой день лунной фазы и его ближайшее окружение получили свои наименования задолго до остальных дней недели (стр. 289).

В № 40 ежегодника К. Вилкуна (в статье «Четверти года и отсчет недель») вновь обращается к истории календаря у прибалтийско-финских народов. В ней автор рассматривает вопрос о происхождении и распространении в Финляндии, Эстонии и Карелии календаря, в основе которого лежит деление года на четыре сезона, и связанного с ним недельного отсчета времени.

К. Вилкуна отмечает, что в Финляндии были известны две системы деления года на четверти. Первая характеризуется определением четырех основных дней года, знаменовавших собой наступление зимы, лета и их максимумов. Вторая делила год на четыре

13-недельных периода, от одного церковного праздника до другого. Автор подчеркивает, что этот христианский календарь получил распространение среди прибалтийско-финских народов относительно поздно. На основе анализа эстонского, карельского, шведского и исландского этнографического и лингвистического материала он реконструирует народный 13-недельный календарь, существовавший у этих народов задолго до появления христианства. К. Вилкуна, однако, считает, что этот календарь не был специфическим прибалтийско-финским явлением, поскольку у него много общих черт с аналогичным календарем норвежцев и исландцев. Автор отвергает возможность заимствования рассматриваемого календаря финнами, карелами или эстонцами у шведов в средние века. Обилие сходных моментов в календаре прибалтийско-финских племен, с одной стороны, норвежцев и исландцев, — с другой, позволяет предполагать существование ранее единого общескандинавского 15-недельного календаря (стр. 178), который в свою очередь, был привнесен на Север из Центральной Европы еще в дохристианские времена (стр. 180, 182). К. Вилкуна определяет и его место в истории календаря всех времен и народов. Он считает, что четырехсезонный 13-недельный календарь занимал промежуточное положение между лунным и юлианским календарями (стр. 179) и соответствовал той ступени развития общества, когда человек от охоты и рыболовства перешел к земледелию. Этим объясняется то, что разделение года на четыре сезона происходило не по таким общеизвестным уже в то время явлениям, как зимнее и летнее солнечное противостояние, осеннее и весеннее равноденствие, а по дням, которые знаменовали «начало зимы», «начало лета», «середина зимы», «середина лета». Для древнего земледельца, отмечает К. Вилкуна, дни осеннего и весеннего равноденствия и т. д. не имели большой практической ценности. Ему гораздо важнее было знать время наступления тепла и холодов, жары и морозов (стр. 182). Эти потребности породили и свою, так называемую «обратную» систему отсчета времени (до посева осталось пять, четыре, три и т. д. недель). В заключение К. Вилкуна делает вывод о том, что применительно к рассмотренному календарю было бы правильнее говорить не о солнечном, а о климатическом, тепловом годе, поскольку его периодизация целиком покоилась на определении наиболее теплых и холодных дней в году (стр. 183).

О распространении и бытовании в Финляндии так называемой «свадебной бани» (у других народов — «девичей», «невестинной» бани) рассказывает в статье А. Оярви (№ 39, 1959 г.). Автор отмечает, что в раннее средневековье этот обычай имел широкое распространение у славян, армян, турок, марокканцев, скандинавов и германцев. На основе тщательного сопоставления немногочисленных и разрозненных сведений о давно исчезнувшей в Финляндии церемонии предсвадебного омовения, А. Оярви устанавливает основные районы бытования этого обряда и его отличительные черты применительно к каждой местности. Это позволило ему внести ясность в вопрос о возникновении рассматриваемого обычая в Финляндии. А. Оярви находит, что так называемая «свадебная баня» получила распространение в Финляндии благодаря тесным контактам финнов как со славянами, так и со скандинавами. В отличие от исследователя этого же вопроса У. Харва, А. Оярви считает, что «свадебная баня» не была лишь славянским заимствованием. Подтверждением этого, по мнению автора, является резко различающаяся обрядность этого обычая в районах восточной и юго-западной Финляндии (стр. 328). Подробно останавливаясь на характеристике различных модификаций обряда, автор не уделяет, однако, должного внимания его происхождению и историческим корням. Свое объяснение в этом плане он ограничивает утверждением, что «свадебная баня», — это реликт древнего ритуала, связанного с представлением об «очищении» и предупреждении дурных событий в жизни молодоженов. Вопрос о времени зарождения этого обряда, его истоках и причинах остается вне поля зрения исследователя.

В большой статье «Животное покойника» (№ 38, 1958 г.) на большом фактическом материале А. Вилкуна рассматривает исторические корни сохранившегося до недавнего времени обычая, по которому со смертью хозяина или хозяйки дома пастору прихода подносилось дарственное животное, обычно корова или бык. Автор относит возникновение этого обычая еще ко времени языческих верований, согласно которым принесенное в жертву животное должно было обеспечить благополучное развитие остального стада. Однако для восточнофинских племен с характерными для них большими семьями А. Вилкуна находит иное объяснение: жертва означала предоставление умершему его доли из общего хозяйства семьи (стр. 207). Проанализировав большой конкретный материал по этнографии не только финнов, но и карел, эстонцев, саамов, мордвы, мари, удмуртов, автор приходит к выводу о повсеместном распространении упомянутого обычая среди народов и племен финноугорской группы, за исключением венгров (стр. 225). А. Вилкуна отмечает, что рассмотренный обряд легко прослеживается у тех народов и в тех районах, где христианство распространилось сравнительно поздно. Церковь, будучи не в состоянии бороться с этим языческим обрядом, пыталась подчинить его своим интересам. Уже в средние века обычай претерпевает модификацию: вместо жертвоприношения происходит передача животного служителям культа. Как подчеркивает А. Вилкуна, церковное хозяйство получило таким образом один из существеннейших источников дохода (стр. 231). Со временем обряд окончательно теряет остатки своего прежнего содержания, превращаясь в обычный церковный налог. В под-

тверждение происшедшей эволюции автор приводит данные о том, как этот модифицированный языческий обычай стал источником частых противоречий и столкновений между духовенством и его паствой (стр. 188, 191).

В № 40 ежегодника (1960 г.) помещена статья Т. Вуорела «Рождественская солома». Автор отмечает, что обычай, по которому в ночь под рождество пол жилища застилали соломой, был распространен не только у финнов, но и у шведов, эстонцев, венгров, белорусов, у народов Центральной Европы (повсюду со своими особенностями). Автор прослеживает географию этого обычая в Финляндии. Характерно, что он бытовал лишь в южной части страны. Центральная и северная Финляндия (за исключением небольшой территории в бассейне реки Торнео) этого обычая не знала (стр. 213). Пытаясь установить происхождение и содержание рассматриваемого обычая, Т. Вуорела выступает против тех исследователей (Л. Вайзер-Аал, У. Харва), которые считали, что в данном случае прослеживается один из древних магических ритуалов обеспечения плодородия. Автор объясняет обычай «внутренней потребностью» человека украсить свое жилище в один из «наиболее светлых праздников года». Объяснение это звучит гораздо менее убедительно, чем доводы его оппонентов.

Определенный интерес представляет статья Хр. Карпелана (№ 43, 1963 г.), посвященная анализу и сравнению некоторых выводов о структуре лапландского оленеводческого общества, сделанных американским и английским этнографами — Р. Персоном и Д. Уайткером. Автор статьи пытается развить положения этих ученых и, в частности, «дать более полное» объяснение причинам, вызвавшим образование одной из ячеек лапландского общества — «сиды» (объединение нескольких семей для совместной пастбы оленей). В отличие от Дж. Уайткера, считающего сиду конкретным проявлением экономической жизни оленеводческого общества, Хр. Карпелан связывает образование этой ячейки с родственными отношениями. По мнению автора статьи, «социальную» базу для совместного труда оленеводов образует прежде всего система родства (стр. 299).

Статья А. Несхайма «О взаимосвязи северной и саамской культуры» посвящена малоработанному вопросу о взаимовлиянии культур населения Норвегии, и саамов (№ 38, 1958 г.). Автор, используя материалы экспедиций и фонды Национального музея Норвегии, пытается воссоздать картину влияния указанных культур друг на друга. Изучение саамской культуры входит в исследование заселения Норвегии и ее общественной истории (стр. 172). Необходимость изучения такого взаимовлияния и обоснованность постановки проблемы автор видит в том, что те элементы, которые принято считать самыми характерными признаками саамской культуры, широко встречаются в норвежских и скандинавских районах (стр. 159). Он отмечает, что речь может идти как о скандинавско-арктической пракультуре, так и о саамских заимствованиях у древнейших предков современных норвежцев, заимствованиях, которые были осуществлены в «доисторическую эпоху». Поэтому изучение саамской культуры, по мнению автора, представляет особый интерес в исследовании вопроса о восстановлении облика древнейшей культуры норвежского народа (стр. 159).

В № 42 (1962 г.) большой интерес представляет сообщение М. Рясанена «Об истоках древнейшего алфавита финноугорских народов». Автор отмечает, что до сих пор таковым считался венгерский рунический алфавит, имевший, как это было в свое время доказано, много общего с древнетюркской системой письма. М. Рясанен указывает, однако, что в распоряжении современных ученых имеется свидетельство ибн Фадлана о переписке царя волжских булгар с жившим на севере народом висо (по мнению М. Рясанена, — наиболее восточное ответвление вепсов). Единственно возможное объяснение такому свидетельству, отмечает автор статьи, может быть лишь в признании того факта, что задолго до XIV в. (т. е. до создания алфавита коми Стефаном Пермским) существовала более древняя финноугорская, так называемая пермская система письма. В пользу этого предположения говорит, по его мнению, во-первых, сходство многих слов коми и среднеперсидского языка, в частности, таких слов, как «книга» и «бумага»; во-вторых, результаты исследований профессора Хельсинского университета Г. Штипы<sup>4</sup>.

Сравнительный анализ привел Г. Штипу к заключению, что наибольшее сходство алфавит коми (как по начертанию букв, так и по их названиям) обнаруживает с грузинскими и армянскими письменами, которые, в свою очередь, имеют среднеиранскую основу (стр. 133). М. Рясанен, как и Г. Штипа, придерживается того мнения, что первоначальный зырянский (коми) алфавит, возникший задолго до появления булгар в районе Волги, имел иранское происхождение. Этот алфавит, по мнению М. Рясанена, послужил основой и для «азбуки» Стефана Пермского. В статье приведена фотокопия списка алфавита коми, найденного неким Алексеем Сухановым в Яранске и пересланного им в 1832 г. из Архангельска финскому лингвисту Шёгрёну (стр. 132).

Ежегодник уделяет большое внимание истории финской музыки, творчеству наиболее видных ее представителей (Я. Сибелиус, Р. Каанус — см. статьи А. Вайсянена в № 38, 1958 г.), музыкальному народному творчеству в Финляндии.

<sup>4</sup> См. G. Stipa, «Der Ursprung der permischen Schrift».

В номере 43 (1963 г.) со статьей об изучении народной песни в Финляндии выступает А. Асплунд. Отметив, что изучение современной исследователю народной песни имеет более чем вековую историю (которая вкратце прослеживается автором), А. Асплунд подчеркивает неудовлетворительное состояние исследования песенного творчества финского народа в настоящее время. Особенно отстает собирание текстов. По мнению А. Асплунд, одной из задач в процессе изучения финской песни должно стать исследование ближайших шведских и русских мелодических влияний (стр. 334).

В рассматриваемом издании систематически публикуются материалы о тех деятелях финской культуры, которые в той или иной степени содействовали развитию этнографической науки в Финляндии.

Творческому пути Л. Спарре (родился в 1863 г.), сподвижнику известных художников А. Галлен-Каллела, Э. Ярнефельта и др., посвящена небольшая статья А. Линдстрем (№ 43, 1963 г.). Автор особо выделяет тот период из жизни Л. Спарре, когда последний совершал неоднократные поездки на север Финляндии. Результатом этих экспедиций были многочисленные дневники и зарисовки из быта финского и карельского народов, опубликованные в 1930 г. отдельной книгой.

Статья о жизни и творчестве финского художника А. Рейнхолма (1857—1887 гг.) написана Х. Тирранен («Агатон Рейнхолм», № 40, 1960 г.). А. Рейнхолм принадлежит к той плеяде деятелей финской культуры и науки прошлого столетия, которые много сделали для их развития, но чьи имена незаслуженно забыты. Творчество, А. Рейнхолма почти целиком было связано с изучением финноугорских народов. Он был участником нескольких научных экспедиций. Наиболее плодотворной была поездка А. Рейнхолма в 1884 г. на Волгу, совершенная им совместно с финским этнографом А. Хейкелем. Результаты этой экспедиции, в ходе которой они изучали жизнь финноугорских народов Поволжья, стали широко известными не только в Финляндии, но и в России. Собранный этнографический материал, рисунки А. Рейнхолма демонстрировались на заседании Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете, где получили высокую оценку. На следующий год А. Рейнхолм и А. Хейкель были избраны членами указанного Общества.

Определенный интерес представляет опубликованная в № 41 ежегодника (1961 г.) статья Т. Итконена «Путешествие Е. А. Фрииса на Север в 1867 году», в которой автор знакомит читателя с одной из поездок исследователя саамского языка Е. Фрииса на Кольский полуостров и в Беломорскую Карелию. Ценность публикации состоит в том, что автор сопровождает текст большим количеством фотографий, сделанных Фриисом во время его путешествия. Эти уникальные снимки, как отмечает Т. Итконен, были лишь недавно обнаружены и переданы в Национальный музей (около 100 фотографий, запечатлевших быт лапландцев середины XIX в.).

В № 40 (1960 г.) помещен ценный этнологический указатель ко всем ежегодникам (№ 1—40). В этой же книге приведен алфавитный перечень всех статей, опубликованных в № 31—40 (указатель к более ранним изданиям дан в № 20/21 и 30).

Предлагаемый обзор не претендует на исчерпывающую полноту, ибо рассмотрению подверглись лишь наиболее крупные и наиболее интересные, на наш взгляд, этнографические статьи. Ряд материалов по частным вопросам этнографии Финляндии, истории этнографической науки и ее деятелях не нашел отражения в обзоре, так же как и фольклорные и лингвистические статьи, за исключением тех, которые имели непосредственное отношение к этнографическим проблемам.

Однако и данный обзор позволяет сделать вывод, что Калевальское общество на страницах своего ежегодника публикует самый разнообразный материал по этнографии финноугорских народов. Редколлегия журнала уделяет постоянное внимание спорным проблемам этнографии, ее истории, характеристике творческого и научного пути наиболее видных ее представителей. Большой авторский коллектив, сгруппировавшийся вокруг ежегодника, широкий круг вопросов, находящий отражение на его страницах, заслуженно превратили издание Калевальского общества в один из наиболее представительных этнографических органов Финляндии.

Л. Сунн